

Генезис института предания суду в российском уголовном процессе

По утверждению И.Я. Фойницкого, корни института предания суду «...лежат в глубокой древности, и уже во времена классического Рима существовало деление уголовного процесса на производство *in jure* и *in judicio*, где первое заканчивалось принятием имени обвиняемого, *nominis receptio*, после чего обвиняемый считался преданным суду»².

Достаточно строго, – отмечает М.А. Чельцов-Бебутов, – процессуальная форма предания суду была проработана и в уголовно-процессуальном законодательстве Древней Греции. Особенно это проявляло себя в суде гелиастов или диэтета, где названный процессуальный порядок был наиболее полно определен законом, с указанием форм, предмета и пределов проверки, полномочий суда и сторон, возможных решений суда по итогам проверки³.

Не менее явно, в своих существенных признаках, «следы» данного процессуального института прослеживаются в законодательстве, а также в судебной практике феодальной Англии, Франции или Германии⁴.

Что же касается становления и развития института предания суду в русском уголовном процессе, то, например, в монографической, по сути, работе М.А. Чельцова-Бебутова, первые и практически фрагментарные упоминания о процедурах, так или иначе связанных с решением вопросов о предании обвиняемого суду, появляются лишь при анализе «петровской» судебной реформы

---

¹ Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта ГУ-ВШЭ № 10-04-0012 «Учитель – Ученики» 2010-2011 гг.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. – СПб: Изд-во «Альфа», 1996. С. 409; и др.

³ Подробнее см.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Том I: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – М.: Госюриздат, 1957. С. 99, 103.

⁴ См.: Трактат о законах и обычаях королевства английского, который называется Гленвилевским / Перевод, редакция и вступительное слово С.Ю. Хатунова. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 2002. 192 с.; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 241, 267, 341.

1719 года. Регулируя вопросы подсудности, вновь созданных надворных судов, законодатель указывает воеводам, как высшим чинам администрации на местах, что более им «...не надлежит спор тяжёбного дела между поданными чинить», а «смертные» дела, каждое к своему надлежащему суду отсылать»⁵.

Однако, в каком процессуальном порядке эти «тяжбы» принимались к производству самими надворными судами, была ли вообще предусмотрена предварительная подготовка дела к судебному разбирательству, каковы были реальные полномочия суда и сторон на данном этапе ни законодатель, ни М.А. Чельцов-Бебутов, к сожалению, не раскрывают.

При известном желании нормы, имеющие отношение к институту предания суду, можно усмотреть в регулировании полномочий суда (судьи), связанных с применением пытки, которая в «петровские» времена все еще достаточно широко применялась в ходе судебного сыска. Предоставляя судье достаточно широкое усмотрение в этом вопросе «доказывания», законодатель вместе с тем предупреждает суд о жестоком наказании, если пытка была применена «с их вымысла без жадного подозрения»⁶.

Из смысла названной нормы можно, конечно, усмотреть императивную обязанность для суда (соединяющего в своей деятельности и функцию расследования, и функцию разрешения дела по существу) в каждом конкретном случае оценивать действительные основания для начала судебного-уголовного процесса. Однако правомерность этого вывода может быть поставлена под сомнение именно крайней «неразвитостью» самой процессуальной формы возбуждения уголовного судопроизводства, производства предварительного расследования преступлений и рассмотрения дела по существу, которые на данном этапе развития российского уголовного судопроизводства фактически осуществляются одним и тем же органом (не всегда, отметим, судом) и сливаются в едином, розыском по форме и сути «сыске судом допрямую».

---

⁵ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 702.

⁶ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 711.

О непонимании значимости и задач стадии предания суду в системе российского уголовного судопроизводства свидетельствуют и дальнейшие реформы российского суда и процесса. Уже в правление Царицы Елизаветы даже в Сенате, являющимся высшей судебной инстанцией в системе судебных установлений, вся работа по изучению и подготовке поступивших (судебных) дел возлагалась не столько на судей, сколько на канцелярию Сената. В итоге исключительно от деятельности последней, в конечном итоге, зависел весь материал, представляемый на окончательное разрешение Сената. Соответственно говорить в этом контексте о независимом судебном контроле за законностью и обоснованностью внесения той или иной категории дел непосредственно на разрешение Сената было бы несколько преждевременным.

Не нашел своего нормативного закрепления институт предания суду и в правление Императрицы Екатерины II. Административно-правовая реформа 1775 года, определенным итогом которой стало «Учреждение для управления губерний», лишь более или менее полно определила компетенцию (подсудность) отдельных судов Империи, не добавляя ничего нового в сущность и содержание института предания суду, который и в этот период развития российского государства и права практически не обозначает себя в качестве самостоятельного уголовно-процессуального института⁷.

Ситуация начинает меняться лишь с подготовкой Свода законов Российской Империи 1832 года. Во-первых, в книге 2 тома 15 Свода законов («О судопроизводстве по преступлениям») законодатель впервые выделяет собственно процессуальные нормы, не смешивая их более с нормами материальными. Во-вторых, также впервые производство делится на три части: следствие, суд, исполнение, с разделением названных процессуальных функций между различными субъектами процесса. В-третьих, перед предварительным расследованием (более, не возлагаемым на суд) сформулирована достаточно ясная задача. А именно: ясность и полнота дела, чтобы «судебное следствие не могло иметь ни малейшего затруднения или сомнения для постановления по делу приговора».

---

⁷ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 727.

Наконец, впервые в структуре процесса предусмотрены действия суда прямо направленные к подготовке дела к судебному разбирательству по существу.

Так, несмотря на то, что с сущностью дела и доказательствами суд знакомился только по письменным материалам⁸, фактически ознакомление членов суда с делом происходило путем изготовления так называемых «...выписок из дела», подготовить которые (для остальных членов суда) поручалось одному из судей, входящих в судебный состав. Выписки при этом полагалось «...составлять по пунктам или отделениями, не наполняя их излишними обстоятельствами и помещать в них только самые нужные предметы по материям, соединяя в них все течение и окончание происшествий; показания о летах подсудимых, также не имел ли кто из них прежде отличных заслуг или важных пороков; ...помещать в выписке на каждый пункт приличные законы и, ежели на что нет приличных законов, то это именно означить»⁹.

С известной долей условности в названных процедурах можно усмотреть положения аналогичные современному порядку подготовки дела к судебному разбирательству. С той же долей условности – можно суммировать вывод о том, что впервые в структуре российского процесса появляются нормы, непосредственно обязывающие суд предпринять подготовительные действия к судебному заседанию, войти в изучение и оценку представленных органами уголовного преследования материалов. В том числе, на предмет их достаточности для разрешения дела, ибо за судом оставлено право вернуть материалы органу расследования при обнаружении крайней неполноты следствия.

Окончательно, уже в качестве неотъемлемого элемента структуры уголовного судопроизводства России, институт предания суду оформился лишь в результате великой судебно-правовой реформы 1864 года. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС 1864 г. или УУС) институт предания суду уже включает в себя несколько относительно самостоятельных процессуальных порядков (форм).

---

⁸ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Том I. С. 738–739.

⁹ Цит. по: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. Том I. С. 739; и др.

Прежде всего следует согласиться с мнением тех ученых (И.В. Михайловский, А.Н. Бутовский, Н.Н. Полянский¹⁰), которые в качестве самостоятельного процессуального порядка выделяли и исследовали институт предания суду у мирового судьи, отмечая, что именно с данным институтом (во временных его рамках) следует связывать деятельность мирового судьи, имеющую место от получения жалобы (частного обвинителя), до вынесения постановления о назначении судебного заседания¹¹. По остальным категориям дел разрешение вопроса о предании обвиняемого суду было дифференцировано и, по известному утверждению И.Я. Фойницкого, вверялось «органам двоякого рода – обвинительным и судебным»¹².

Так, предварительная оценка качества произведенного расследования, с одной стороны, лежала на прокуроре окружного суда, призванного к составлению обвинительного акта либо к ходатайству (заключению) перед окружным судом о прекращении производства по делу. С другой стороны, исключительно от оценки распорядительного заседания окружного суда¹³ или от заседания судебной палаты, имеющего своим предметом проверку именно достаточности фактических оснований для предания обвиняемого суду, зависело окончательное решение вопроса о том, насколько имеются основания для принятия дела к производству суда (предания обвиняемого суду).

Дела о преступлениях меньшей тяжести, не влекущие за собой применения лишения свободы с поражением в правах, направлялись прокурором окружного суда или (по некоторым категориям дел) частным обвинителем непосредственно в окружной суд (ст. 510 УУС), который, соответственно, в распо-

---

¹⁰ См.: Полянский Н.Н. Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства. Вып. I. – М., 1915. С. 149.

¹¹ Отметим, И.Я. Фойницкий, к примеру, отрицал наличие института предания суду при производстве у мирового судьи, в тоже время, характеризуя его в подразделе об особых порядках предания суду. Н.Н. Розин в качестве процедуры предания суду у мирового судьи, рассматривал исключительно жалобу потерпевшего или сообщение полиции. См.: Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 409, 415; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб, 1916. С. 297.

¹² См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 408.

¹³ Законодатель, по сути, впервые дифференцирует в качестве относительно самостоятельных процессуальных порядков: распорядительные заседания (будущий аналог предварительных слушаний; гл. 34 УПК РФ) суда и единоличный порядок.

рядительном заседании решал вопрос о принятии дела к своему производству (предании обвиняемого суду).

Дела о тяжких преступлениях, которые разбирались окружным судом с участием присяжных заседателей, по окончании предварительного следствия направлялись прокуратурой (прокурором окружного суда – прокурору судебной палаты) в «камеру предания суду» судебной палаты. В обязанность последней вменялось решить вопрос о достаточности оснований для предания обвиняемого суду в закрытом распорядительном заседании суда в составе всех членов департамента, являющихся докладчиками по поступившим делам (ст. 523 УУС). Дело рассматривалось по докладу одного из членов судебной палаты. При согласии палаты с обвинительным актом на нем делалась надпись об утверждении (в виде штампа с подписью члена палаты – докладчика по делу) и дело через прокурора судебной палаты возвращалось в окружной суд для рассмотрения по существу.

В случае необходимости изменения обвинительного акта в его фактической или юридической части он заменялся определением судебной палаты с мотивированным изложением всех обстоятельств дела¹⁴. Сторона защиты не имела возможности к участию в этом заседании, а акт предания суду мог быть обжалован только вместе с обжалованием самого приговора (ст. 529-542 УУС). В итоге, уже после акта предания суду дело направлялось через прокурора палаты и прокурора окружного суда в окружной суд для выполнения подготовительных действий к рассмотрению дела по существу.

Анализируя эффективность этих процессуальных форм, современники, прежде всего, отмечали громоздкость и формальное, «механическое» по сути, отношение к разрешению вопросов, связанных с проверкой достаточности оснований для предания обвиняемого суду в «камере предания суду» судебной палаты. Неудивительно, что со временем этот орган предания суду и этот про-

---

¹⁴ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 755; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 413; Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит, 1991. С. 292-293.

цессуальный порядок получили иронично-насмешливое наименование «камеры штемпелевания» обвинительных актов¹⁵.

Существенным элементом, как первой, так и второй процессуальной формы предания суду в данный период является то, что суду практически неизвестно понятие сторон. Ни обвиняемый, ни обвинитель, ни гражданский истец, отмечает И.Я. Фойницкий, не пользуются процессуальными правами при названной процедуре¹⁶. Даже заявление ходатайств с их стороны (и последующее их разрешение судом) осуществляется не в рамках института предания суду, а в ходе подготовительных к суду распоряжений¹⁷.

Не указывает законодатель и на предмет проверки суда в рамках данного института. Он косвенно может быть выведен из общих полномочий суда, реализуемых на этом этапе. Из смысла ст. 545 УУС следует, что распорядительному заседанию окружного суда, в случае несогласия с обвинительным актом и материалами дела принадлежит, в частности, безусловное право потребовать производства предварительного следствия для проверки представленных прокурором доказательств. По сути, это институт направления уголовного дела на дополнительное расследование, который в дальнейшем будет хорошо известен российскому правоприменению (ст. 232 УПК РСФСР 1960 г.), и который, как известно, неразрывно связан с оценкой судом на данном этапе, как законности, так и фактической обоснованности внесения дела в суд¹⁸.

В свою очередь, «камера предания суду» судебной палаты обладала безусловным правом как на изменение обвинения, сформулированного прокурором в обвинительном акте, составив о том (свое) определение, совершенно за-

---

¹⁵ См.: Набоков В.Д. Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства / Под ред. проф. М. Гернета. Вып. I. – М., 1915. С. 867; Чельцов-Бебутов М.А. Указ. раб. С. 786.

¹⁶ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С. 408.

¹⁷ Приготовительные к суду распоряжения по УУС 1864 г. не входят в институт предания суду, а образуют самостоятельный порядок действий и решений суда и сторон, связанных с подготовкой уголовного дела к судебному разбирательству.

¹⁸ В названных нормах УУС 1864 г. вполне можно увидеть и определенный аналог норм, изложенных в п. 1 ч. 2 ст. 237 УПК РФ.

меняющее собой последний, так и на замену заключения прокурора о прекращении производства по делу названным определением.

Как первое, так и второе полномочие суда, как видим, связано с самостоятельной оценкой судом достаточности обвинительных доказательств для предания обвиняемого суду. О правомерности данного вывода свидетельствует и тот факт, что именно в рамках анализа данного института И.Я. Фойницким, впервые, в качестве основной проблемы «судебной формы» предания суду ставится вопрос о предрешенности вопроса о виновности обвиняемого судом, ибо при положительном решении о предании суду последний является перед судом уже с известной печатью подозрения¹⁹.

Косвенно о предмете и пределах проверки суда на данном этапе свидетельствуют и последующие его полномочия, предусмотренные для приготовительных к суду распоряжений, которые, к примеру, И.Я. Фойницкий характеризует в качестве самостоятельной стадии процесса²⁰.

Задача приготовительных к суду распоряжений – решить вопрос о возможности слушания дела в суде по существу, в надлежащей форме подготовить последнее. Поэтому действия, входящие в область этих распоряжений, принимаются судом *ex officio*, не дожидаясь об этом соответствующих заявлений и ходатайств сторон, которые (после решения вопроса о предании суду) не только извещаются о поступлении дела в суд, но и получают определенные процессуальные права. Суть приготовительных к суду распоряжений, а через них и предмет проверки на этом этапе, весьма четко являют себя в предмете контроля и видах возможных распоряжений суда: 1) определение подсудности дела; 2) определение порядка производства его, в частности соединение или разделение уголовных дел; 3) определение меры пресечения обвиняемым способом уклониться от судебного разбора; 4) образование состава присяжных заседателей; 5) извещение сторон о поступлении дела в суд; 6) назначение защитника; 7) пополнение доказательств по делу, в частности списка свидетелей; 8) сообщение

---

¹⁹ См.: Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 405; Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит, 1991. С. 292-293.

²⁰ См.: Фойницкий И.Я. Указ. раб. С. 419-420.

сторонам списка присутствия: 9) назначение места и времени заседания, объявление о нем и вызов к нему нужных суду лиц²¹.

Дополняя собой собственно решение суда о предании обвиняемого суду, названные распоряжения создавали в итоге систему процессуальных гарантий для законного и обоснованного разрешения дела в суде по существу, которая, практически не изменяясь в своих существенных признаках, функционировала до известных событий октября-ноября 1917 года.

По менее тяжким преступлениям, подсудным окружному суду, дело по окончании следствия через прокурора передавалось с обвинительным актом непосредственно окружному суду (ст. 523 УУС). Функцию предания суду в таком случае выполнял прокурор. Соответственно, суд по данному делу уже был не вправе оценивать достаточность доказательств для предания обвиняемого суду, не вправе он был и внести изменения в обвинительный акт.

В книге третьей УУС 1864 года был предусмотрен особый порядок предания суду в отношении отдельных категорий дел. К примеру, за совершение должностных преступлений служащими не выше четвертого класса, губернскими и уездными предводителями дворянства, председателями и членами губернских и уездных земских управ и собраний предавал суду первый (кассационный) департамент Сената (ст. 1088 УУС). Если должностные преступления совершали служащие, назначаемые губернскими властями или министерствами (управлениями), то процедура предания суду осуществлялась непосредственно постановлением губернского правления или министра. При этом чиновники первых трех классов за совершение указанных преступлений предавались суду Государственным советом Империи (ст. 1097 УУС).

Названный порядок предания суду постоянно подвергался критике. Исследователи УУС 1864 года, прежде всего, указывали на формальный характер разрешения круга вопросов, служащих предметом оценки суда на этом этапе. Указывалось и то, что всего восемь судебных палат, выступающих в качестве

---

²¹ Современный законодатель правомерно включил названную систему вопросов и полномочий суда в предмет и пределы оценки суда непосредственно в стадии подготовки дела к судебному заседанию.

органа предания суду, во-первых, явно недостаточно для столь обширной Империи; во-вторых, в виду их чрезмерной удаленности от окружных судов сроки, связанные с пересылкой дела, значительно увеличивали протяженность этой стадии во времени. С целью совершенствования порядка предания суду комиссия под руководством Н.В. Муравьева выработала ряд предложений. Суть последних сводилась к тому, что: 1) рассмотрение дел в этой стадии должно осуществляться только в том случае, если имеется жалоба обвиняемого на обвинительный акт; 2) в стадии, по идее, должна принимать активное участие не только сторона обвинения, но и сторона защиты; 3) необходимо расширить перечень дел подсудных мировому суду, что позволит снять (излишнюю) нагрузку с судебных департаментов. В силу известных причин (1905-1907 гг.) ни одно из этих предложений так и не было реализовано.

Декретами о суде № 1 и № 2, а также последующими законодательными актами «революционной власти» подтверждается именно судебная, а не «прокурорская» (обвинительная), форма контроля за законностью и обоснованностью предания обвиняемого суду.

В соответствии с п. 3 Декрета СНК РСФСР «О суде № 1» от 24 ноября 1917 года, в частности разъяснялось, что впредь (до преобразования всего порядка уголовного судопроизводства) предварительное следствие возлагается на местных судей единолично, причем постановления их о предании суду должны быть подтверждены постановлением всего местного суда²².

Согласно ст. 22 Декрета «О суде № 2», обвинительный акт заменяется постановлением следственной комиссии о предании суду, которое направляется (по подсудности) в окружной народный суд. Если же таковое окружным народным судом будет признано недостаточно обоснованным, то именно от него зависит возвратить дело в следственную комиссию для доследования или поручить таковое одному из членов суда²³.

---

²² См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917-1954 гг.: Сборник документов / Под ред. С.А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1955. С. 32.

²³ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 42.

Принципиальными для характеристики указанной стадии виделись и изменения, внесенные Декретом «О суде № 3» от 20 июня 1918 года, а также Декретом ВЦИК о революционном трибунале от 4 мая 1918 года, согласно которым исключительно обвинителю было предоставлено право опротестовывать в революционный трибунал заключение следственной комиссии о предании обвиняемого суду. Защита, соответственно, такого права не имела.

В соответствии с Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 года, утвердившем положение «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», предание суду осуществлялось уездными и городскими следственными комиссиями, избираемыми советами и исполнительными комитетами в составе трех лиц. Постановление следственной комиссии являлось, по сути, актом предания суду²⁴.

В соответствии со ст. 36 Положения постановление следователя о предании суду или прекращении уголовного дела должно быть мотивировано. В случае спора по поводу законности и обоснованности этих решений они были императивно включены в предмет судебного контроля, а именно: постановление следственной комиссии, как о прекращении следствия, так и о предании суду (ст. 36) направлялись в народный суд по месту совершения преступления со всем делом производством. Окончательное решение вопроса принадлежало народному суду, контролирующему фактические и правовые основания законности и обоснованности данного решения следственных органов²⁵.

Позднее (с ликвидацией следственных комиссий), согласно «Положению о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» от 21 октября 1920 года, предание суду осуществлялось уже самим народным судом²⁶. В соответствии со статьей 6 Положения постоянный народный судья, в частности, единолично разрешал вопрос о прекращении дознаний

---

²⁴ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 361.

²⁵ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 69; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. С. 34.

²⁶ См.: СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407; История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 52-53.

или о предании суду по маловажным делам, поступающим от милиции и органов надзора (п. «б» ст. 6)²⁷.

При производстве в революционных трибуналах, согласно декрету ВЦИК РСФСР от 4 мая 1918 года²⁸, предание суду также первоначально осуществлялось следственными комиссиями при ревтрибуналах; в дальнейшем, согласно Положению о революционных трибуналах от 18 марта 1920 года²⁹, распорядительными заседаниями революционного трибунала в составе председателя и двух членов трибунала (ст. 6 и 13 Положения). При этом обвиняемый получает определенные процессуальные права на этом этапе, ибо утвержденное трибуналом заключение следователя и решение распорядительного заседания суда сообщалось обвиняемому, а по истечении семи суток дело рассматривалось в судебном заседании, но не ранее истечения 24 часов после вручения обвиняемому копии утвержденного (обвинительного) заключения следователя.

Иначе этот вопрос решался по делам подсудным суду с участием шести присяжных заседателей: по окончании предварительного следствия, которое осуществлялось следственной комиссией, она выносила постановление о предании обвиняемого суду. Это (мотивированное) постановление вносилось на рассмотрение народного суда, в обязанность которого входило проверить его фактическую обоснованность. Признав указанное постановление недостаточно обоснованным, суд был вправе вернуть дело к доследованию.

В соответствии с Положением ВЦИК о народном суде от 21 октября 1920 года предание суду по делам, которые поступают от органов милиции, осуществляется народным судьей единолично. Если же по делу проводилось предварительное следствие, то актом предания суду служит, уже, решение коллегии судей, которая в обязательном порядке проверяла обоснованность постановления следователя о предании суду.

По буквальному смыслу названных актов, – суммирует В.З. Лукашевич, – фактическим предметом контроля суда на данном этапе, прежде всего, явля-

²⁷ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 149.

²⁸ См.: СУ РСФСР. 1918. №35. Ст. 471.

²⁹ См.: СУ РСФСР. 1920. №22-23. Ст. 115.

ется независимый судебный контроль за обоснованностью обвинения. Особенно это проявляло себя при регулировании компетенции органов военной юстиции, где прямо предусматривалась возможность прекращения уголовного дела судом, когда распорядительное заседание признает собранные по делу (обвинительные) доказательства совершенно недостаточными для предъявления по делу обвинения³⁰.

Дальнейшая регламентация процессуальной формы предания суду, ее предмета и пределов проверки, полномочий суда и сторон связана с созданием кодифицированного уголовно-процессуального законодательства РСФСР. 25 мая 1922 года постановлением 3-й сессии ВЦИК «Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» введен в действие первый УПК РСФСР. Он применялся до 1923 года, так как 15 февраля 1923 года постановлением ВЦИК «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» был принят УПК РСФСР (1923 г.), применявшийся (с изменениями и дополнениями) до 1960 года.

По УПК РСФСР общей формой предания суду стало распорядительное заседание того суда, которому подсудно дело, в составе народного судьи и двух народных заседателей (в народном суде) или трех постоянных членов суда (в революционных трибуналах; позднее – в губернских, краевых судах). Актом предания суду при этом являлось определение распорядительного заседания того суда, которому подсудно дело³¹.

В ходе распорядительного заседания на суд возлагалась обязанность рассмотреть и разрешить следующие вопросы (предмет проверки): 1) достаточно ли обоснованно предъявленное обвинение данными, приведенными в описательной части обвинительного заключения³²; 2) правильно ли сформулировано обвинение, согласно данным описательной части обвинительного заключе-

---

³⁰ См.: Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. С. 53.

³¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 362.

³² Подчеркнем, в случае признания обвинения недостаточно обоснованным, суд мог вынести определение о прекращении дела или о его направлении к доследованию, что ясно указывает на предмет и пределы оценки суда на этом этапе.

ния³³; 3) предусмотрено ли предъявленное обвинение Уголовным кодексом, и какой именно статьей; 4) подлежит ли изменению, и какому именно список лиц, вызываемых в судебное заседание³⁴.

Как по УПК РСФСР 1922 года, так и по УПК РСФСР 1923 года, распорядительному заседанию суда, разрешающему вопрос о предании обвиняемого суду, категорически запрещалось непосредственно знакомиться с материалами дела, и все свои выводы суд мог формулировать, исходя из анализа лишь одного обвинительного заключения³⁵. Следуя этому правилу³⁶, суд, не входя в обсуждение фактической стороны обвинения и обоснованности его материалами дела, мог в результате формально проверить лишь правильность юридических формулировок данного заключения и логическую согласованность его отдельных частей. Теоретическим обоснованием такого подхода и этой процессуальной формы предания суду вновь послужил известный тезис о том, что при иной постановке процедуры, предмета и пределов проверки выводы суда о виновности обвиняемого окажутся фактически предрешенными еще до разбирательства дела по существу и соответственно повлияют на приговор³⁷.

Лишенная своей материальной основы данная юридическая конструкция предания суду достаточно скоро, – отмечает М.С. Строгович, – показала свою нежизненность, ибо устраняла из процесса проверки наиболее существенный ее элемент: проверку фактической обоснованности обвинения и полноты расследования уголовного дела³⁸.

---

³³ Суд имел право составить новое обвинительное заключение, в соответствии со своим убеждением о юридической квалификации и фактической стороне обвинения.

³⁴ Подробнее см.: Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности. Учебное пособие. – Краснодар, 1981. С. 15.

³⁵ Это правило было сформулировано в примечании к ст. 236 УПК РСФСР 1923 г.

³⁶ На практике данное правило, в силу своей явной надуманности, как отмечают современники, повсеместно и негласно нарушалось. См.: Вроблевский А.Б. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. – М., 1923. С. 186; Люблинский П.И., Полянский Н.Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Текст и постатейный комментарий. – М.: Изд-во «Право и жизнь», 1924. С. 180.

³⁷ См.: Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе (стенограмма лекции). – М., 1957. С. 4; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 362; Лукашевич В.З. Указ раб. С. 54.

³⁸ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 362.

В итоге, это ограничение было отменено постановлением ВЦИК РСФСР от 16 октября 1924 года³⁹, а суд получил право проверять и оценивать все материалы дела, в том числе в части достаточности фактических оснований (обвинительных доказательств) для предания обвиняемого суду.

В 1927 году в ходе общей тенденции к процессуальному упрощенчеству, во многом инициированному Народным комиссариатом юстиции РСФСР, стадия предания суду была упразднена. М.М. Выдря отмечает, что это произошло 10 сентября 1927 года, и стало возможным на основании материалов обследования Народного Комиссариата Юстиции РСФСР и постановления объединенного заседания Народного Комиссариата РКИ СССР и РСФСР, которыми было высказано предложение о передаче функций предания суду по делам, расследованным следователем прокурору, а по делам, которые заканчивались органами дознания, – следователям⁴⁰.

Аналогично названный процессуальный порядок был изменен в 1929 году⁴¹. В преддверии известных «сталинских процессов» право предания суду (и, соответственно, контроля за обоснованностью обвинения) было переадресовано набирающей силу, прокуратуре⁴². Поскольку распорядительные заседания суда были отменены, а институт предания суду, фактически, потерял характер самостоятельной стадии, процессуальным актом предания суду служило обвинительное заключение, утвержденное прокурором⁴³.

Правда, в исключительных случаях председатель суда или судья, решающий вопрос о предании обвиняемого суду, усматривая в материалах уголовного дела отсутствие оснований для судебного рассмотрения дела или существен-

---

³⁹ См.: Постановление 2-й сессии ВЦИК XI созыва «О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1924. №77. Ст. 784.

⁴⁰ См.: Выдря М.М. Указ. раб. С. 16; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. С. 52-58.

⁴¹ См.: Строгович М.С. Указ. раб. С. 362-365; Лукашевич В.З. Указ. раб. С. 9-11, 23, 52-58.

⁴² См.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.10.1929 г. // СУ РСФСР. 1929. №78. Ст. 756.

⁴³ Вопрос о том, что и при этой форме предания суду, суд все равно (вынужденно) знакомился с материалами дела и (вынужденно) оценивал доказательства, в принципе, не исследуется нами, ибо, как представляется, нашел свое достаточное отражение в работе В.З. Лукашевича. См.: Лукашевич В.З. Указ. раб. С. 12-14, 16-17, 52-56 и след.

ную неполноту расследования, которая не может быть восполнена в судебном заседании, неправильную юридическую квалификацию содеянного и тому подобные основания ст. 236 УПК (в ред. 1929 г.)⁴⁴, могли внести данное дело в подготовительное заседание суда⁴⁵, по результатам которого дело либо прекращалось производством, либо возвращалось к доследованию.

Поскольку последнее было весьма редким явлением, то на деле, как отмечают М.С. Строгович, В.З. Лукашевич или М.М. Выдря, получилось все то же ослабление контроля за обоснованностью предания обвиняемого суду, внесение уголовного дела в суд без достаточных к тому оснований, неполно расследованных или с неправильной уголовно-правовой квалификацией⁴⁶.

Нарастание негативных тенденций в этом вопросе привело к тому, что в 1934 году процедура предания суду стала предметом внимания 47-го Пленума Верховного суда СССР⁴⁷. Указывая на большой процент оправдательных приговоров и огромный процент отменяемых приговоров за недоказанностью обвинения или за отсутствием в деле состава преступления, Пленум ясно указал, что принятие судами дел к судебному рассмотрению, нередко, происходит чисто механически, без предварительного изучения судом дела и без проверки достаточности собранного расследованием (доказательственного) материала, обоснованности предъявленного обвинения и правильности его квалификации⁴⁸.

Исходя из рекомендаций I Всесоюзного совещания судебно-прокурорских работников (апрель 1934 г.), 47-й Пленум Верховного Суда СССР принимает решение о восстановлении распорядительных заседаний суда

---

⁴⁴ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. С. 201, 268; Выдря М.М. Указ. раб. С. 17; и др.

⁴⁵ Единоличного порядка подготовки дела к судебному заседанию законодатель на этом этапе еще не допускает. Отметим и то, что вплоть до принятия Основ УСП Союза ССР и союзных республик (1958 г.) законодатель, фактически в качестве однопорядковых, использует термины «подготовительное» и «распорядительное» заседание суда, лишь с 1958 г. отдав «предпочтение» последнему.

⁴⁶ См.: Строгович М.С. Указ. раб. С. 363; Выдря М.М. Указ. раб. С. 17; и др.

⁴⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1934 г. «О необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм». История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда... С. 513.

⁴⁸ См.: Советская юстиция. – 1934. – №13. – С. 33-34.

по всем категориям дел, поступающих в суд. Актом предания суду, соответственно, вновь становится решение судебного органа (распорядительного заседания), а не акт обвинительной власти (прокуратуры).

Казалось бы, предмет для продолжения дискуссий исчерпан. Однако 17 августа 1935 года Верховный Суд СССР еще раз возвращается к вопросу об эффективности деятельности распорядительных заседаний суда. Директивным письмом № 42 вновь отмечаются существенные недостатки в деятельности названных заседаний, причины которых Верховный Суд СССР видит в том, что дела назначаются к слушанию без тщательной проверки и изучения материалов предварительного следствия; что распорядительные заседания не вошли в должной мере в деятельность судов, а предание суду, как и ранее, осуществляется судом формально⁴⁹. В итоге, к 1936 году стало очевидным, что названная «реформа» стадии предания суду либо себя изжила, либо не оправдала. И хотя в УПК РСФСР (1923 г.) соответствующие изменения так и не были внесены, постановлением 54-го Пленума Верховного Суда СССР была окончательно установлена (восстановлена) процессуальная форма распорядительных заседаний суда, как обязательная форма предания суду в судах общей юрисдикции⁵⁰. Этим же постановлением Пленума был установлен перечень вопросов, подлежащих непосредственной проверке судом в ходе распорядительных заседаний (предмет и пределы проверки суда). Центральными из них вновь оказались те, которые требовали от суда выяснять, насколько полно проведено предварительное следствие и достаточно ли обоснованно материалами (поступившего) дела предъявленное обвинение⁵¹.

Данным постановлением Пленума было впервые введено и (крайне продуктивное, по сути) положение о допуске в распорядительные заседания суда

---

⁴⁹ См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. – М., 1948. С. 433-434.

⁵⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 марта 1936 года «О работе подготовительных заседаний» // Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924-1944 гг. – М.: Юриздат, 1946. С. 91.

⁵¹ Фактически именно этим перечнем вопросов руководствовались все суды СССР, решающие вопрос о назначении судебного разбирательства, до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.).

отдельных участников процесса. При этом они имели определенные процессуальные права. «Вызов обвиняемых в подготовительное заседание, – отмечает Пленум, – допускать в исключительных случаях, когда по обстоятельствам дела этот вызов обуславливается необходимостью ознакомления с личностью обвиняемого или выяснения каких-либо конкретных вопросов, связанных с разрешением возбужденных обвиняемым ходатайств. В случае признания необходимости явки обвиняемого в подготовительное заседание суд по делам несовершеннолетних, а также глухих, немых и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления, обязан допустить к участию в подготовительном заседании представителя обвиняемого. Вызов в подготовительное заседание свидетелей и экспертов воспретить»⁵².

Данная форма предания суду подтверждена и Законом о судостроительстве СССР (1938 г.), по нормам которого предание суду по делам, направленным в суд с утвержденным прокурором обвинительным заключением, осуществляется исключительно в распорядительном заседании того суда, которому подсудно данное дело⁵³.

Справедливости ради отметим, что в соответствии с этим же постановлением Пленума по некоторым категориям дел предание суду осуществлялось единолично судьей, а именно: 1) по делам о преступлениях, за которые предусмотрено лишение свободы не свыше одного года (кроме дел, по которым составлено обвинительное заключение или в которых обвиняемыми являются несовершеннолетние); 2) по делам частного обвинения; 3) по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений, в том случае, если судья признает материалы достаточными для слушания в суде.

Дискуссия о необходимости упразднения распорядительных заседаний суда и возвращении к процедуре предания суду актом прокуратуры возобно-

---

⁵² См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. – М., 1948. С. 436; Выдря М.М. Указ. раб. С. 19-20.

⁵³ См.: Строгович М.С. Указ. раб. С. 364.

лась в 1946-1947 годах⁵⁴. Основным аргументом к (предлагаемой) отмене процедуры судебного контроля за преданием обвиняемого суду послужил все тот же (доминирующий) тезис о недопустимой оценке судом фактической стороны обвинения как основы неременной предубежденности (предрешенности вывода) суда в виновности обвиняемого еще до рассмотрения дела по существу⁵⁵.

Категорически возражая против такого подхода, И.Д. Перлов и М.С. Строгович убедительно доказали, что возвращение к подобному порядку, как и ранее, приведет к устранению контроля за основательностью предания обвиняемых суду. Как следствие, к постановке на судебное разбирательство недостаточно и неправильно расследованных уголовных дел, с необоснованной юридической квалификацией.⁵⁶

В данной связи законодатель правомерно оставил за судом, как в Основах уголовного судопроизводства 1958 года, так и в УПК РСФСР 1960 года, право на проверку и оценку не только законности предыдущего этапа производства по делу, но и обоснованности обвинения, внесенного в суд; вероятно, отдавая себе отчет, что без подобной оценки реализация, как первой, так и второй составляющей данного контроля выглядит декларативной, по сути, формальностью⁵⁷.

Правда, впервые непосредственно в законе (ст. 221, 227 УПК РСФСР 1960 г.), как предмет для дальнейших дискуссий, было введено правило о том, что суд не вправе предрешать вопрос о виновности обвиняемого при вынесении

---

⁵⁴ Определенные тенденции к ее возобновлению наблюдались и при обсуждении проекта Основ УСП Союза СССР (1958 г.) и проекта УПК РСФСР (1960 г.).

⁵⁵ См.: Шифман М.Л. Предание суду должно стать функцией органов прокуратуры // Социалистическая законность. – 1946. – №10. – С. 14. Несколько позже (при обсуждении проекта УПК РСФСР 1960 г.) эта идея высказывалась Н.Н. Полянским. См.: Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: МГУ, 1956. С. 200.

⁵⁶ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 365; Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. С. 38-40 и след.

⁵⁷ Так, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» счел необходимым специально подчеркнуть обязанность, как судьи, так и суда в стадии предания суду «тщательно проверить полноту предварительного следствия, обоснованность и правильность предъявленного обвинения и его квалификации». См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1977. Ч. II. С. 21.

постановления (определения) о предании суду⁵⁸. Введением данного правила законодатель впервые попытался нормативными средствами решить не столько юридическую, сколько психологическую, по сути, проблему формирования «правильного» внутреннего убеждения судей при решении вопроса о законном и обоснованном предании обвиняемого суду⁵⁹.

Изменил законодатель и процессуальную форму института предания суду. Как в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1958 г.), так и в УПК РСФСР (1960 г.), он дифференцирует данную форму на: единоличный (судебный) порядок предания суду и распорядительные заседания суда. Первая процессуальная форма, реализуется единолично судьей при его (внутренней) убежденности о наличии достаточных оснований для рассмотрения дела в судебном заседании по существу. Вторая, является императивной при несогласии судьи с выводами обвинительного заключения⁶⁰, а также при необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого (ст. 221 УПК)⁶¹.

Вклад в «совершенствование» института предания суду, в очередной раз, внес Пленум Верховного Суда СССР. В постановлении от 3 июля 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»⁶² он прямо рекомендовал судам при предварительном рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних обвиняемых проводить распорядительные заседания, несмотря на отсутствие об этом прямых указаний в законе⁶³.

---

⁵⁸ См.: Полянский Н.Н. Вопросы предания суду в связи с проектом УПК СССР // Советское государство и право. – 1947. – № 6. – С. 46.

⁵⁹ См.: Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1958. – №2. – С. 56.

⁶⁰ Несогласие суда с выводами обвинительного заключения, как показывает исследование Т.А. Михайловой, на практике трактовалось весьма широко, позволяя назначать распорядительные заседания по данному основанию при любом нарушении закона. См.: Михайлова Т.А. Предание суду в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. С. 17.

⁶¹ Аналогично данный вопрос был решен законодателем и в нормах ст. 36 Основ УСП Союза ССР и союзных республик (1958 г.).

⁶² Подробнее см.: Выдря М.М. Указ. раб. С. 21-22; и др.

⁶³ Отметим, и ранее этот вопрос фактически решался в аналогичном процессуальном порядке. Еще в 30-е годы Пленум Верховного Суда СССР и Прокуратура СССР в директивном письме №36/71 от 21.07.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолет-

Со временем эти «рекомендации» были восприняты законодателем, который не только воспроизвел их на законодательном уровне, но и расширил основания для назначения распорядительных заседаний суда. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 года было признано необходимым проведение распорядительных заседаний суда не только по названному основанию, но и по делам о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть назначена смертная казнь⁶⁴.

На развитие (судебной) формы института предания суду в определенной мере указывает и то обстоятельство, что законодатель подтверждает право сторон на некоторое участие в распорядительных заседаниях суда⁶⁵.

О предмете и пределах проверки суда на данном этапе свидетельствовал перечень вопросов, подлежащих контролю суда или единолично судьи (ст. 222 УПК РСФСР 1960 г.). В отношении каждого из обвиняемых закон обязывал суд выяснить: а) подсудно ли дело данному суду; б) содержит ли деяние, вменяемое в вину обвиняемому, состав преступления; в) нет ли обстоятельств, влекущих прекращение либо приостановление дела; г) собраны ли по делу доказательства, достаточные для его рассмотрения в судебном заседании; д) соблюдены ли при возбуждении дела, производстве дознания или предварительного следствия требования уголовно-процессуального закона; е) правильно ли применен к деяниям, вменяемым обвиняемому, уголовный закон; ж) составлено ли обвинительное заключение в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона; з) правильно ли избрана мера пресечения в отношении обвиняемого; и) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества.

них» обязали судей вносить все дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, на рассмотрение распорядительных заседаний суда. См.: Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924-1944 гг. – М.: Юриздат, 1946. С. 72; Лукашевич В.З. Указ. раб. С. 34; и др.

⁶⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. №36. Ст. 362.

⁶⁵ Суд, в частности, получает право вызывать на этом этапе для устных объяснений отдельных из участников процесса. Например, в связи с заявленными ими ходатайствами, направленными на имя суда.

Содержательный анализ названных полномочий, – отметил Пленум Верховного Суда СССР, – обязывал суд по каждому поступившему делу «...тщательно проверять и убеждаться в надлежащей полноте предварительного следствия, обоснованности и правильности предъявленного обвинения и его квалификации»⁶⁶.

Сложившаяся практика подготовки дела к судебному заседанию была поставлена под сомнение авторами Концепции судебной реформы в стране (1991 г.), согласно положениям которой предполагалось, что «судья, при поступлении уголовного дела, изучая только обвинительный акт с точки зрения правильности его составления, обнаружив формальные нарушения, отказывается принять дело к производству, и возвращает его прокурору»⁶⁷. По сути, в качестве кардинальных «новаций» правоприменителям предлагалось вернуться к «конструкции» предания суду, предусмотренной нормами примечаний к ст. 236 УПК РСФСР 1923 года и ст. 240 УПК РСФСР 1922 года, как отмечалось, явно показавшим свою несостоятельность.

Очередная реформа института предания суду связана с новеллами от 29 мая 1992 года⁶⁸, в результате которых стадия не только «потеряла» свое исконное название⁶⁹, но и претерпела существенные изменения по форме. Вновь были отменены распорядительные заседания суда, ведение протокола судебного заседания, участие сторон, в том числе и прокурора; видоизменены вопросы, разрешаемые судом на этом этапе (предмет проверки суда).

---

⁶⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» // Сб. постановлений пленума Верховного Суда СССР 1924-1977 гг. Ч. II. – М., 1979. С. 21.

⁶⁷ См.: Концепция судебной реформы. – М., 1992. 148 с.

⁶⁸ См.: Закон РФ от 29.05.1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданско-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. №27. Ст. 1560.

⁶⁹ Формально-юридически глава 20 УПК РСФСР (в ред. Закона от 29.05.92 г.) именовалась: «Полномочия судьи до судебного разбирательства дела и подготовительные действия к судебному заседанию». Фактически, устоявшимся в теории уголовно-процессуальной науки стало наименование: «Стадия назначения судебного разбирательства (заседания)». См., напр.: Бозров В., Кобяков В. Процессуальная деятельность при назначении судебного заседания // Российская юстиция. – 1994. – №10. – С. 22-23; и др.

Позднее, Федеральным законом от 16 июля 1993 года⁷⁰, процессуальный институт предания суду был дополнен качественно новой формой – предварительным слушанием, проводимым по правилам судебного заседания и с активным участием сторон, при наличии ходатайства обвиняемого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей.

Цель указанных изменений виделась законодателю в том, чтобы освободить суд от рудиментов обвинительной функции; в очередной раз «оградить» суд от «предрешающей» оценки фактической стороны обвинения на этом этапе, оценки достаточности фактических оснований для внесения дела в судебное разбирательство⁷¹. Реализовать эти цели в полном объеме не получилось, ибо в перечне вопросов ст. 222 УПК РСФСР, подлежащими проверке и разрешению судом, главными все также остались вопросы о законности предыдущего этапа производства по делу (пп. 1-2, 4-6) и достаточности доказательств для рассмотрения дела в суде (п. 3 ст. 222 УПК). Причем достаточности именно обвинительных доказательств, ибо еще в 1951 году, полемизируя в этом вопросе с Н.Н. Полянским, М.А. Чельцов предельно честно и прямо высказался о том, что суд имеет достаточные основания для предания обвиняемого суду только в том случае, «...если совокупность собранных и не опровергнутых на следствии доказательств позволяет рассчитывать, что при подтверждении их в судебном заседании обвиняемый будет признан виновным и осужден»⁷².

Таким образом, и после новелл 1992 года вопрос о законности предыдущего этапа производства по делу и реальной достаточности (обвинительных) доказательств для рассмотрения дела в суде (обоснованности внесения уголовного иска в суд) занимал центральное место в институте предания суду. Соответственно этой (двуединой) задаче, была сконструирована и процессуальная

---

⁷⁰ См.: Закон от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1314.

⁷¹ «На щит» даже был поднят, отчасти, забытый современниками тезис о том, что «...документом предания суду является обвинительный акт прокурора», а не решение суда. См.: Концепция судебной реформы. – М., 1992. С. 93.

⁷² См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – М., 1951. С. 306.

форма судебного контроля за законностью и фактической обоснованностью внесения уголовного дела в суд; законностью и обоснованностью его рассмотрения по существу данным судом.

Последующие «реформы» процессуальной формы подготовки дела к судебному заседанию, прежде всего, связаны с актами Конституционного Суда РФ, сформулировавшего ряд правовых позиций и итоговых выводов по поводу сути и содержания института возвращения дела на дополнительное расследование со стадии назначения судебного разбирательства.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 года №7-П по делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород, суд общей юрисдикции утратил полномочия по возвращении на дополнительное расследование уголовных дел по основаниям пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР, так как названное правомочие, по мнению Конституционного Суда РФ, оказалась связанным с выполнением обвинительной функции, выполнять которую суд не вправе⁷³. Определением от 3 февраля 2000 года № 9-О по жалобе гражданки Берзиной Л.Ю. на нарушение ее конституционных прав п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР суд, в связи с реализацией той же обвинительной функции, утратил правомочие на возвращение уголовного дела на дополнительное расследование по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР⁷⁴.

Свой вклад в «реформирование» института предания суду в российском уголовном процессе внесли и нормы УПК РФ, вступившего в действие с 1 июля 2002 года. Направления данного «реформирования», как и ранее, прежде всего, оказались связаны с попыткой законодателя адекватно разрешить вопрос о предмете и пределах проверки суда на данном этапе и полномочиях суда, исключающих «предрешение» вопроса о виновности подсудимого еще до рассмотрения дела по существу.

---

⁷³ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. №33. Ст. 4218.

⁷⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2000. №13. Ст. 1428.

Реализовать эти цели, как представляется, не получилось. Несмотря на то, что в перечне вопросов, разрешаемых судьей в порядке ст. 228 УПК РФ, законодатель принципиально отказался от задачи проверки и оценки судом фактической обоснованности внесения в суд уголовного иска (дела), вопросы, связанные с оценкой обвинительных тезисов, сформулированных следственными органами и прокурором, неизбежно проявили себя при реализации иных полномочий суда. Особенно, предусмотренных пп. 3-4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ или ст. 239 УПК РФ, ибо, к примеру, прямо указывая прокурору на необходимость соединения нескольких дел в одном производстве, именно суд своей инициативой увеличивал объем обвинения, по сравнению с тем, как оно имело место на момент поступления дела в суд. Те же, по сути, обвинительные акценты деятельности суда проявляют себя в случае возвращения прокурору уголовного дела с требованием о составлении обвинительного заключения по делу, поступившему в суд с постановлением следственных органов о применении принудительных мер медицинского характера, или при решении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. По сути, посредством актов конституционного правосудия реанимирован на этом этапе и институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, в том числе, по мотивам, ухудшающим положение обвиняемого.

В итоге, перед законодателем в очередной раз поставлен, все тот же неудобный, вопрос о контрольно-проверочной сути указанной стадии; вопрос о праве суда войти в оценку обоснованности внесения уголовного иска в суд; вопрос, ради «решения» которого «...все реакционные антидемократические реформы в области уголовного судопроизводства, ...как правило, приводили к ликвидации института предания суду, его урезыванию и ущемлению, и напротив, все реформы и преобразования, ...имеющие прогрессивный демократический характер, пытались привести или приводили к укреплению и развитию этого института»⁷⁵.

---

⁷⁵ Перлов И.Д. Предание суду в советском уголовном процессе. – М., 1948. С. 38.